

Ускоряется время

Ускоряется время – пропали часы и минуты,
день за днём с головой накрывают тяжёлой волной,
И чего петушился – кого на земле обманул ты?
И себя не обманешь – не выпадет жизни иной.
В лес поглубже уйдешь – на тропе не останется следа,
крикнешь в синее небо – ни звука, ни эха в ответ,
и круги по воде не расходятся с прошлого лета...
словно нет тебя, нет тебя, нет тебя, нет тебя...
Нет..

Дышишь глубже и чаще, и видишь, наверное, дальше,
но размыта картинка и парус чернеет вдали:
ничего он не ищет – ни бури, ни гавани, даже
новых чудных мгновений с Татьяною и Натали.
Всё спокойно и мирно – не бьются ни пульс, ни тарелки,
научился молчать, как китайский болванчик, – кивать..
но когда на часах остановятся ржавые стрелки,
поперхнётся кукушка, не силах уже куковать.

Попутного ветра

(из поэмы «Бригантина»)

Всё расставлено вовремя –
точки, тире, запятые.
Словно два корабля, столь похожих –
и всё же чужих,
мы расходимся прочь,
а свидетели и понятые –
наши нервные строчки –
всё помня, останутся жить.
Не сложилось, не сладилось –
чуда, увы, не случилось,
разбежимся и стихнем
по самым далёким углам
на планете одной...

Окажи мне любезность и милость:
не дели нашу встречу
и память о ней
пополам.
Уплываешь...
Плыви, пожелаю попутного ветра,
сотни футов под килем,
а над – бирюзовую высь,
чистых вод Бригантине
на тысячи тыщ километров...
Не порви паруса
и на рифы опять не навись.
В тихой гавани – дома –
захлопнутся наглухо двери,
и не встанешь с колен,
бесконечно целуя порог.
Да хранит тебя Бог и простит,
что в него я не верил...
Он, конечно, шутник,
но меня от тебя
уберёт.

Эвакуация

(по рассказам мамы)

“...я ведь не помню... сначала Баку...
эвакуация, море... бомбёжка...
много остриженных — наголо, ёжиком...
взрывы... кораблик почти на боку...
...в море бросают тифозных больных,
в панике... с криком: “за борт их, за борт их!”,
не разбирая, кто спящий — кто мёртвый...
не разбирая... а мы среди них...
...лишнее — за борт, иначе ко дну...
лишние мы — шестилетние дети,
сёстры, подружки... когда-то соседи...
тоже тифозные, в полубреду...
...бабушка в трюме накрыла тряпьем,
сверху — баулы, пакеты и сумки,
так и лежали, наверное, сутки...”

мне рассказали об этом потом...
...нас не нашли, и кораблик доплыл...
там — Бухара и голодные годы...
рылись в земле, собирали отходы —
ели что было... что каждый добыл...
...в Киев уже не вернулись... зачем...
близкие в Яре, а дома — чужие...
что им докажешь — что жили?.. что живы?..
что не хватило у немцев печей?..
...лишние, как в Бухаре и Баку —
бабушка, Кларочка, Ида и Лёня...”
.....
Мама, не плачь... успокойся... я понял...
я напишу... если только смогу...

Зебры

Мне нравятся зебры – обычные зебры,
они полосаты, и этим – волшебны.
Они не расисты, скорее – нацмены,
но каждой полоской – тигрины, надменны.
Они чёрно-белы, они пограничны,
как первые фильмы, они лаконичны.
Как фильмы – наивны, немые и невинны,
они фортепьянны, они пианинны.
Природа играет на клавишах зебры,
а зебры зевают и кушают стебли.
Не чёрны, не белы... и странно-мулатны:
полоски... полоски... а смотрятся ладно.
А люди... и белы, и чёрны, и жёлты,
а им полосатый, уверен, пошёл бы!
И даже пятнистый, поверьте, не страшно:
вполне леопардно и очень жирафно.
Полоски на теле, на личиках пятна –
и формой и цветом
природно, приятно...

Провинция

Вот и вернулся – я снова здесь.
Что рассказать про Винницу?
Маленький город, глубинка, весь,
даже на звук – провинция.
Я понимаю – есть города
мельче, пустей, забытее:
улица – здания в два ряда,
бледная жизнь и быт её.
Им за столетья в тени столиц
не жировать застольями,
можно в одеждах и красках лиц
судьбы читать: с Подолья мы.

Строили, чистили – как могли,
чтоб из болота вытащить...
Дом, где родился, уже снесли,
дом, где я жил, стоит ещё.
Вырубив старый вишнёвый сад,
новый взамен не высадив,
красили особняков фасад,
самых особых высвятив.
Храмы, соборы и банков сеть,
рынки, ларьков невиданно...
Но самолётом не долететь –
аэропорт закрыт давно.
И поезда убегают прочь –
в даль, дорожа минутами,
не замечая – и не помочь –
город глазами мутными.
Все проходящие – в этом суть.
Им же стоять и выстоять.
Жить.
И, надеясь на божий суд,
дом, где я жил, наконец, снесут,
новую церковь выстроят.

Моллюск

Не причитаю, не молюсь я,
почти раздавленным моллюском,
за плоской раковинной — мускул —
таюсь и таю, пью настой.
Моим друзьям и домочадцам
не докричать, не достучаться —
не понимают и дичатся,
ещё пуская на постой.
Они меня не запирали —
по лабиринту, по спирали
я сам укрылся от пираний
за створки губ — за их броню.
Я обрастаю, словно остров,
слоями рифов и коросты,
и мысль — песчинку или россыпь —
в себе лелею и храню.
Меня течение сносило
и затеряло в слое ила;
я собираю соль и силы
из перламутровой росы.
Среди потоков лжи и желчи
мне чистый голос сверху шепчет...
Я жду, когда созреет жемчуг
ещё нечитанной красы.